

ПАНТЕОН РОССИЙСКИХ АВТОРОВ

<отрывки>

КНЯЗЬ КАНТЕМИР

(Антон Дмитриевич)

Тайный советник, камергер и чрезвычайный при английском и французском дворе посол, родился в 1709, умер в 1744 году.

Наш Ювенал. Сатиры его были первым опытом русского остроумия и слога. Он писал довольно чистым языком и мог по справедливости служить образцом для современников. Так, что, разделяя слог наш на эпохи, *первую* должно начать с Кантемира, *вторую* с Ломоносова, *третью* с переводов *славяно-русских* господина Елагина и его многочисленных подражателей, а *четвертую* с нашего времени, в которое обрзается *приятность слога*.

В стихах Кантемировых нет еще истинной меры — долгие и короткие слоги смешаны без разбора — но есть гармония. В прозе он лучше выражал *свои*, нежели чужие мысли; например, стиль в предисловии к Фонтенелевой книге о множестве миров несравненно глаже, нежели в самом переводе. Мы имели случай видеть его министерские донесения из Лондона и Парижа, писанные ясно и правильно. Между прочим характеристическое изображение Роберта Вальполя, славного министра Англии, доказывает, что Кантемир имел острый взор для замечания тайных сгибов человеческого сердца и легкое перо для описания своих замечаний.

Самые просвещенные иноземцы чувствовали цену его ума и нравственных достоинств. Кантемир был другом известного аббата Гуаско и приятелем славного Монтескье. Любовь к наукам и словесности — следствие нежного образования души — всегда бывает соединена с благородным влечением к дружбе, которая, питая чувствительность, дает уму еще более силы и парения.

ТРЕДИАКОВСКИЙ

(Василий Кирилович)

Надворный советник и Санктпетербургской академии наук красноречия профессор. Родился в 1703, умер в 1769 году.

Если бы охота и прилежность могли заменить дарование, кого бы не превзошел Тредиаковский в стихотворстве и красноречии?

Но упрямый Аполлон вечно скрывается за облаком для самозванцев-поэтов и сыплет лучи свои единственно на тех, которые родились с его печатью.

Не только дарование, но и самый вкус не приобретается: и самый вкус есть дарование. Учение образует, но не производит автора.

Тредиаковский учился во Франции у славного Роллена, знал древние и новые языки, читал всех лучших авторов и написал множество томов в доказательство, что он... не имел способности писать.

Однако ж труды его были не совсем бесполезны. Он первый изъяснил на русском языке меру стихов и перевел древнюю историю, которую по сие время читают наши провинциальные дворяне.

Имя Тредиаковского будет известно самым отдаленным потомкам. Сохраним же образ его и почтим в нем... трудолюбие, науки и несчастье природы.

П. п. Немногие, может быть, знают следующий анекдот. Екатерина II, любя успехи российского языка, желала, чтобы в избранном обществе Эрмитажа все говорили по-русски. Ее воля была законом. Но законодатель должен предвидеть и неисполнение: какое же наказание определила монархиня для преступников? За всякое иностранное слово, вмешанное в разговор, виновный осуждался прочесть сто стихов из Тилемахиды Тредиаковского.

ЛОМОНОСОВ

(Михаил Васильевич)

Статский советник, Санктпетербургской императорской академии наук профессор, Стокгольмской и Болонской член. Родился в 1711, умер в 1765 году.

Рожденный под хладным небом северной России, с пламенным воображением, сын бедного рыбака, сделался отцом российского красноречия и вдохновенного стихотворства.

Ломоносов был первым образователем нашего языка; первый открыл в нем изящность, силу и гармонию. Гений его советовал только сам с собою, угадывал, иногда ошибался, но во всех своих творениях оставил неизгладимую печать великих дарований.

Он вписал имя свое в книгу бессмертия, там, где сияют имена Пиндаров, Горациев, Руссо.

Современники могли только удивляться ему; мы судим, различаем и тем живее чувствуем его достоинство.

Лирическое стихотворство было собственным дарованием Ломоносова. Для эпической поэзии нашего века не имел он, кажется, достаточной силы воображения, того богатства идей, того всеобъемлющего взора, искусства и вкуса, которые нужны для представления картины нравственного мира и возвышенных, иройских страстей. Трагедии писаны им единственно по воле монархии; но оды его будут всегда драгоценностью российской музыки. В них есть, конечно, слабые места, излишности, падения; но все недостатки заменяются разнообразными красотами и пиитическим совершенством многих строф. Никто из последователей Ломоносова в сем роде стихотворства не мог превзойти его ниже сравняться с ним.

Проза Ломоносова вообще не может служить для нас образцом; длинные периоды его утомительны, расположение слов не всегда сообразно с течением мыслей, не всегда приятно для слуха; но талант великого оратора блистает в двух похвальных речах его, которые и теперь должно назвать одним из лучших произведений российского, собственно так называемого, красноречия.

Если гений и дарования ума имеют право на благодарность народов, то Россия должна Ломоносову монументом.

СУМАРОКОВ

(Александр Петрович)

Действительный статский советник и св. Анны кавалер. Родился в 1718, умер в 1777 году.

Имя Сумарокова было в свое время так же велико, как имя Ломоносова. Один славил Елизавету на лире и на кафедре академической, другой пленял ее чувствительность драматическими картинами на сцене. Оба талантами своими украсили и прославили время ее царствования. Имя того и другого напоминает счастливое рождение нашего *нового* стихотворства.

Сумароков еще сильнее Ломоносова действовал на публику, избрав для себя сферу обширнейшую. Подобно Вольтеру, он хотел блистать во многих родах — и современники называли его нашим Расином, Мольером, Лафонтеном, Буало. Потомство не так думает; но зная трудность первых опытов и невозможность достигнуть вдруг совершенства, оно с удовольствием находит многие красоты в творениях Сумарокова и не хочет быть строгим критиком его недостатков.

Уже фимиам не дымится перед кумиром; но не тронем мраморного подножия; оставим в целости и надпись *Великий*

Сумароков!.. Соорудим новые статуи, если надобно; не будем разрушать тех, которые воздвигнуты благородною ревностью отцов наших!

Но признавая (вместе со всеми) басни Сумарокова лучшим его творением, мы не сравниваем их с Лафонтеновыми, которые пленяют любезной простотою и живописными стихами. Русский басенник может нравиться только легкостью и резкою сатирою; Лафонтен так же колет глаза пороку, но всегда с видом неизъяснимого добродушия, Сумароков язвит сильным стихом без пощады.

В трагедиях своих он старался более описать *чувства*, нежели представлять *характеры* в их эстетической и нравственной истине; не искал чрезвычайных положений и великих предметов для трагической живописи, но в надежде на приятную кисть свою основывал драму всегда на самом обыкновенном и простом действии, любил так называемые прощальные сцены, для того, что они извлекали слезы из глаз чувствительной Елисаветы и, называя героев своих именами древних князей русских, не думал соображать свойства, дела и язык их с характером времени. Но многие стихи в его трагедиях нежны и милы, многие сильны и разительны. Довольно для вечной славы поэта, открывшего в России сцену Мельпомены!